

УДК 341.218.1:342.365

DOI <https://doi.org/10.32837/yuv.v0i4.1001>**В. Мельник,**

ассистент кафедры политологии

Киевского национального университета имени Тараса Шевченко,

преподаватель кафедры философии и общественных наук

Винницкого национального медицинского университета имени Н.И. Пирогова,

член Американского общества юридической истории,

главный редактор научного журнала «Анналы юридической истории»

ГЕНЕЗИС ФРАНКСКОГО КОРОЛЕВСТВА В V ВЕКЕ: МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОЕ ИСТОРИКО-ЮРИДИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

В III–V вв. климатические изменения (похолодание), трансформировавшие структуру хозяйственного развития лесных народов, вытолкнули на историческую арену большинство германских этносов, искавших не только богатства, но и элементарного пропитания. Окончательным катализатором данного миграционного апокалипсиса явились походы гуннов (375–454 гг.). Создание Атилой (правил в 434–453 гг.) *Гуннского политического объединения*, охватывавшего всю Восточноевропейскую равнину, вынудило многочисленные германские племенные союзы к активизации миграционных движений [1, с. 40].

Что же это были за «движения»? Кто-то вошел в состав гуннской армии и принимал участие в конфронтации с Римом или Константинополем, поменяв насиженные места племенной жизни на оккупированные Атилой территории покорённых варварских союзов и вождеских конфедераций. Кто-то, наоборот, перешел имперскую границу и, после длительных споров с послами императора, *де-юре* обязался защищать Рим или Константинополь.

Для последних римские юристы изобрели интересный правовой режим, давший старт распространённой в современном мире федеративной форме государственного устройства. Речь идёт о праве *foedus* [3, с. 6–8],

сформировавшем раннесредневековые *regnum* (т. е. «королевства», хотя для перевода и юридической характеристики, лучше, конечно, употреблять термин «вождество», обоснованный Л.С. Васильевым и Д.М. Бондаренко). Такими *regnum* были политические образования вандалов, аланов, свевов, вестготов, бургундов, остготов [3, с. 4–5].

Племена франков стали в один ряд с указанными народностями лишь в последние десятилетия V века [10]. Можно смело утверждать, что франкская организационная эволюция застала право *foedus* только мелком. Не менее важен и тот факт, что среди перечисленных выше народов франки пребывали в наименьшем историко-культурном соприкосновении с Гуннским политическим объединением Атилы. Соответственно, франки, не вкусили всех «прелестей» федеративного сожительства с Римской империей или Гуннским союзом, сумев сохранить физические и моральные силы для мощного экспансионистского рывка, совершенного во второй половине V в. [7; 10].

Франки многое выиграли от того, что пропустили других своих германоязычных соседей «вперед». Они *принялись за политическое строительство гораздо позже вандалов, свевов и готов, но зато их структуры оказались менее истощены*

и более выносливы, что в итоге привело к созданию долговременной и устойчивой политико-юридической системы – Французского государства. Однако франкам предстоял еще длительный путь к этой системе.

Вместе со своими ситуативными союзниками (баварами и алеманами), франки составили костяк так называемой «второй волны Великого переселения народов» [4, с. 84].

В учёном сообществе принято считать, что именем «франки» римляне обозначали конгломерат различных западногерманских племен и народностей, родственных в культурном отношении, обитавших в нижнем и среднем течении реки Рейн: *салиев, бруктеров, хаттов, хамавов, амписвариев, хаттуариев, сикамбров, тенктеров, узипов, тубантов, батавов*. Указанные народности всегда проживали в тесном соседстве с рейнским *limes*, участвуя в торговом обмене на рынках Ксантена и Кельна [4].

Объединение рейнских племен произошло не раньше наступления имперского внутривосточного кризиса III в., под давлением социально-демографического взрыва на просторах лесной Европы. Как всегда, географические факторы определяли изменения в организационно-политической и институциональной структуре отдельных этнических групп [1, с. 20–21]. С одной стороны, предполагаемое похолодание, истощение почвы, а с другой стороны – увеличение количества жителей неримской Европы. Всё это происходило на фоне активной торговли римлян и германцев [1, с. 20–29].

«Лесные люди» знакомились с римской культурой, хозяйственными инновациями и приспособлениями, экономическими практиками выгодного обмена [1, с. 39–43]. Рейнские территории были восприимчивы к римскому образу жизни вследствие близости границы. Это также повлияло на объединение разрозненных пограничных племен и групп. Новоявленные франки осоз-

нали, что лишь организованный способ существования и жизнедеятельности (в том числе, торговой) даст им возможность противостоять людскому натиску из Восточной Европы.

Первым тревожным звоночком стало увеличение населения среди алеманнов, живших вдоль течения р. Майнц. Биогеографические закономерности (согласно Л.Н. Гумилеву) любого этносоциального процесса, в том числе и демографического взрыва, однозначны и неизменны: *Закономерность №1*: количество алеманнов увеличилось, что требовало новых плодородных земель для ведения хозяйства; *Закономерность №2*: поскольку своя земля истощилась, необходимо было немедленно освоить чужую; *Закономерность №3*: отобрать чужие земли без войны представлялось невозможным; *Закономерность №4*: агрессивное восприятие друг друга породило бесконечную войну в перенаселенной Германии – одни народы гибли, другие заступали на их место, новые народы создавались из остатков прежних.

Постоянная война приводила вновь созданные племенные союзы к необходимости выхода из замкнутого круга, которым могло стать освоение заброшенных после кризиса III в. сельскохозяйственных пространств Римской империи. Решение аграрного вопроса стимулировало переход из болотистых лесов Рейна на пахотные земли Галлии. Ускорителем данного процесса выступили гуннские нападения [1; 4; 6; 10].

Практика предоставления и получения права *foedus*, в комплексе с политическим кризисом Западной части Римской империи, обеспечила для большинства германских народов новые земли и новые судьбы. Однако для перехода на римскую территорию варварским племенам необходимо было форсировать границы, вести переговоры, часто прибегать к демонстрации военной мощи. На прирейнской территории это приводило к тому, что

алеманны и другие племена должны были проходить через франкские земли. Этот факт тоже важен как причина организационного сплочения франкского племенного союза. *Во-первых*, франкам необходима была общая военная структура для того, чтобы защищаться от убийств, грабежей и мародерства, неизменно сопровождавших миграции огромных количеств вооруженных людей. *Во-вторых*, франки нуждались в общей политической структуре для дипломатической деятельности, направленной на избежание большого количества столкновений и жертв. Располагая организованным войском (или хотя бы *дружиной* – *общинным подобием такой организации*), франкские вожди («*рексы*») могли путем переговоров доказывать обоюдную губительность боевых действий прибывающим на прирейнское пограничье с Римом дикарям.

Постоянные военные и дипломатические контакты и конфликты с соседними племенами (особенно *фризами, датчанами и алеманнами*) закаляли франкских дружинников. Кое-кто из историков даже считает, что процесс столкновения в пограничных с Римом районах с огромным количеством мигрирующих племён оформил «мужественный» национальный характер франков, который, возможно, лег в основу их этнонима. К примеру, французские историки считают, что слово «франки» является калькой северогерманского слова *frekk* – «мужество» или «отвага» [4; 10]. Вполне возможно, что франки являлись таковыми («мужественными» и «отважными») ещё в период своего морского пиратства и разбойничьих странствий по Атлантике и Средиземноморью. Однако в эпоху германского натиска Великого переселения народов V в. франки, без сомнения, уже не были настолько «мужественными» или «отважными». Умение договариваться, активное использование обмана и различных тактик маскировки, направленных на сохранение нажитого имущества, делали из фран-

ков народность, выглядевшую на фоне вандалов и гуннов гораздо более «мирной» и, как считали их соседи, более «трусливой». Вся история франков Меровингского периода (от правления Хлодвига в 481–511 гг. до коронации Пипина Короткого в 751 г.) лишена сколь-нибудь значимого героизма. Франки либо были наёмниками римлян и гуннов, либо занимались аннексией территорий, пользуясь исключительно ослаблением своих соседей. *Франкам везло, поскольку они всегда оказывались в нужное время в нужном месте*. Их географическое расположение, полученное после 507 г. как результат изгнания вестготов из Аквитании, предоставило открытый доступ к ослабленным варварским королевствам Иберийского и Апеннинского полуостровов. Усвоив политическую тактику своего времени, франки увеличивали *зону влияния* методами политического вымогательства, шантажа и откровенного воровства. (Из этого меровингского набора позже родилась Каролингская Западная империя (800–843 гг.), что, конечно же, обусловило её низкую легитимность в глазах настоящей Восточной Римской империи) [1; 3; 7].

География рек и лесных массивов сохранила много племенных различий внутри франкской общности. Это является ещё одним подтверждением, что *политически франки формировались на почве единства военно-дипломатических интересов различных племён*. Внутри франкского союза очевидно существование двух субэтносов: *салических и рейнских франков*.

Так, о своем триумфальном походе против салиев рассказывал ещё император Юлиан Отступник (361–363). Эти же салии, побежденные Отступником, указываются как вспомогательные подразделения римской полевой армии на страницах «*Notitia Dignitatum*». Из более поздних времен, когда над франками властвовали потомки Хлодвига (VI–VII вв.), учёным хорошо известно о региональном законодательстве

салической ветви франкской народности – так называемой «Салической правде» [5, с. 87–88]. В свою очередь, рейнские франки, именуемые также рипуариями, известны нам из источника «Равеннский космограф» (годы создания: 475–480). Французский историк Л. Мюссе считал, что салические и рейнские франки образовывали между собою нечто вроде политического союза, объединявшегося только на время активных военных кампаний [4, с. 87]. В остальное время два субэтноса жили раздельно.

В любом случае ранняя политическая и юридическая история франков метко выражена одним высказыванием позднейшего меровингского летописца Григория Турского: «Люди не знают, кто был первым королем у франков» [8, *Greg. Tur. Hist. Franc.*, II, 8]. Некоторые имена первых вождей сообщает утраченная Хроника Сульпиция Александра, обработанная Григорием Турским: в 287–288 гг. хамавский вождь Генобавд получил со своим отрядом право *foedus* в составе римской полевой армии Диоклетиана (284–305) [8]. По всей видимости, в процессе Великого переселения народов франки прошли описанный еще Ф. Энгельсом этап взаимного сплочения, в результате которого салические франки взяли рипуариев-рейнцев под свой контроль. Очевидно, что к этому времени относится и формирование вождейской (то есть «королевской») династии Меровингов [5, с. 87–151].

Согласно франкским хроникам и рейнским народным преданиям, родоначальником династии Меровингов стал *rex* Меровея. Время правления данного вождя салиев принято относить к 447–457 гг. Кое-кто даже высказывает предположение, будто Меровея командовал франкской дружиной в составе римской армии Флавия Аэция в битве против гуннов на Каталаунских полях.

Образ короля Меровея очень мифологизирован. Люсьен Мюссе даже считает: «... это скорее мифический

эпоним династии, нежели реальный персонаж» [4, с. 87]. Вполне возможно, что так оно и было. Но, как показывает опыт сравнительного анализа фольклорных источников, любой персонаж из народной мифологии всегда изображает реальную личность, чьи положительные либо отрицательные черты доведены до крайности воображением рассказчиков. У «короля Меровея» однозначно существовал прототип. И этот прототип необходимо признать первым «собирателем» франкских племен воедино. По всей видимости, именно фольклоризированный прототип Меровея впервые объединил салических и рейнских франков на почве разгрома гуннской армии.

Реальными фактами из политико-юридической истории франков мы начинаем обладать лишь в период правления отца Хлодвига – короля Хильдерика (руководил объединенными франками в 457–481 гг.) [8].

В XVII в. в бельгийском городе Турне, в подвалах католической церкви Сен-Брис, была найдена могила Хильдерика. Это подтверждается не только богатыми сокровищами, но и наличием особого золотого кольца с Хильдериковой печатью [6, с. 265–266].

Известно, что в 450–470-х гг. *rex* Хильдерик со своей франкской дружиной участвовал в гражданской войне на территории римской Галлии. Как известно, в тот период императоры сменяли друг друга, восставали, объединялись и снова воевали. *Западная часть Римской империи переживала тяжелый момент военно-политического крушения*. Многие племенные вожди нанимались то к одному, то к другому претенденту на западный престол, с целью получения выгоды, материальной наживы, чиновничьих регалий, званий, пахотных земель и рабов для своих воинов. *Хильдерик был именно таким человеком – вождём-наёмником, командовавшим франкской дружиной в составе римской полевой армии*. Характеристику политическому образу Хильдерика дал профессор

П. Хизер: «Исторические документы и содержимое могилы в Турне вместе наводят на мысль о том, что он был командующим войском, достаточно сильным, чтобы искать его расположения, мобилизовать и вознаграждать, в то время как последнее поколение западноримских лидеров изо всех сил старалось удержать страну от развала. Но затем, подобно большинству других игроков в этой сложной игре, он, в конце концов, понял, что пора подвести черту под его службой империи и действовать самостоятельно, так как римский центр перестал контролировать любые активы, о которых стоило беспокоиться» [6, с. 265].

Могила Хильдерика в Турне, как важнейшая археологическая находка, позволяет сделать некоторые политико-правовые выводы [2; 5; 7; 9].

Во-первых, Хильдерик был очень богат. Нажитых франкским вождем богатств в процессе распада Западной части Римской империи вполне хватило бы на жизнь любому представителю знатного сенаторского рода. Считается, что сын Хильдерика Хлодвиг начал политическую карьеру «... лишь как один из нескольких вождей франков одинакового статуса» [6, с. 266]. Однако сложно поверить, чтобы Хильдерик не передал сыну (детям вообще) большую часть своих богатств. Соответственно, представление о его сокровищах должно учитывать фактор семьи, фактор расходов, фактор финансирования военных подразделений. Из всех известных археологических находок в северо-восточной Галлии могила Хильдерика свидетельствует о нём как о самом богатом человеке региона в период крушения Западной части Римской империи.

Во-вторых, количество погребенных сокровищ свидетельствует о том, что род и военная дружина Хильдерика могли себе позволить условно «похоронить» такую часть богатства. Это не только подтверждает большую состоятельность семьи Хильдерика, но и косвенно свидетельствует о всеоб-

щем росте финансово-экономического благосостояния франкских племён. Впрочем, сама могила Хильдерика, найденная в 1653 г., была расположена на бывшей территории казарменного городка римских легионеров. Этот факт говорит о том, что Хильдерик стал первым лидером франков, начавшим экспансию на древние римские земли Галлии. Первой он взял под контроль Бельгию [4, с. 89–92].

Итак, первоначально политическое ядро франкского союза формировалось на лесных территориях современных Нидерландов, Бельгии и Люксембурга, охватывая также территорию по обе стороны реки Рейн. Л. Мюссе считал, что первое массовое появление франков в римской северо-восточной Галлии необходимо отнести ко второй половине III в. [4, с. 89]. Франкское королевство возникло из федеративного союза прирейнских германоязычных племён, объединенных общностью географического положения. Пережив вторжение гуннов, алеманнов и бургундов совместно, эти племена сплотились и составили костяк политического объединения, подчинившегося королям Меровею (447–457) и Хильдеригу (457–481). Главным политическим институтом раннемеровингского периода (447–481 гг.), исходя из проведенного анализа, следует считать «вождество» – совокупность военной дружины и короля. Главным же юридическим институтом однозначно выступала аграрная община, обеспечившая в течение V века активную колонизацию северо-западной римской Галлии.

Стаття присвячена міждисциплінарному аналізу становлення державності та права у франків. Хронологічні межі статті охоплюють III–V ст. нашої ери, але особливо фокусуються на періоді 451–481 рр., коли франками керували перші вожді з династії Меровінгів – Меровеї і Хільдерік. Оскільки авторська позиція ґрунтується на визнанні юридичного

феномена державності результатом дії історико-географічних закономірностей, в центрі дослідницької методики є політико-антропологічний підхід. Раннє Франкське королівство визнається класичним «вождівством», де основний політичний інститут утворює «дружина» – сукупність військових загонів, офіцерська знать і міфологізована персона вождя (він же – король). Це розуміння процесу становлення королівської влади на теренах раннього Франкського королівства автор пропонує поширити на всі королівські династії так званої «варварської Європи», що виникли на уламках Західної Римської імперії протягом V–VI ст. Важливо, що формування варварських королівських династій відбувалось під контролем інститутів римського публічного права. Особливу роль у цьому відігравав *lex foedus* – правовий режим, що надавав варварським племенам особливі права самоврядування та податкові повноваження в межах Римської імперії, встановлюючи натомість жорсткий військово-політичний контроль із боку римського імператора. При цьому, на відміну від абсолютної більшості інших германських племен варварської Європи, що почали свої федеративні відносини з Римом ще в першому десятилітті V ст., франки з'явилися на політико-юридичній орбіті римських імператорів набагато пізніше. Лише в період правління короля Меровея (457–481) можна говорити про набуття франками статусу римських федератів. І тільки за часів правління короля Хільдеріка (481–511) франки починають становити єдину та стійку військово-політичну силу, основною послугою котрої Риму слід вважати активну участь у придушенні антиімперських бунтів і варварських атак.

Ключові слова: франки, варвари, Західна Римська імперія, військова дружина, королівська влада, влада імператора, аграрна община, право *foedus*.

Melnyk V. GENESIS of the Frankish kingdom in the V century ad: interdisciplinary historical & legal research

The article deals with the interdisciplinary analysis of the establishment of statehood and legal system in Early Frankish Kingdom. The chronological boundaries of the article cover the III-V centuries AD, but especially focus on the period of 451–481, when the Franks ruled the first leaders of the Merovingian dynasty – Merovech and Childeric. Since the author's position is based on the recognition of the legal phenomenon of statehood as a result of the action of historical and geographical patterns, the political-anthropological approach is at the center of the research methodology. The early Frankish kingdom is recognized as a classic "chieftdom", where the main political institute is "Guards" – a set of military units, officer's nobility and mythologized leader (he is also the king). This understanding of the process of the formation of royal power in the territory of the early Frankish kingdom, the author proposes to extend to the notion of all royal dynasties of the so-called "barbaric Europe" that arose in the wreckage of the Western Roman Empire during the V–VI centuries AD. It is important that the formation of barbaric royal dynasties took place under the control of the institutions of Roman public law. A special role in this was played by *lex foedus*, a legal regime that gave the barbarian tribes special rights of self-government and tax authority within the Roman Empire, establishing instead a strict military and political control by the Roman emperor. However, unlike the vast majority of other Germanic tribes of barbaric Europe, which began their federal relations with Rome as early as the first decade of the V century AD, the Franks appeared in the political and legal orbit of the Roman emperors much later. Only during the reign of King Merovech (457–481) can we talk

about the acquisition of the status of the Foederati Romani by Franks. And it was only during the reign of King Childeric (481–511) the Franks began to form a single and stable military and political force, the main service of which to Rome should be considered as suppression of anti-imperial rebellions and barbaric attacks.

Key words: Franks, Barbarians, Western Roman Empire, Guards, Royal Authority, Power of the Emperor, Agrarian Community, Lex Foedus.

Литература

1. Ле Гофф Жак. Рождение Европы. Серия «Становление Европы» / пер. с фр. А.И. Поповой ; предисл. А.О. Чубарьяна. Санкт-Петербург : «Александрия», 2014. 398 с.
2. Мальцев М.Г. Варваризация Римской империи как культурно-исторический процесс. Вестник НАСиА ист. фак. Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. История. 2015. № 1 . С. 106–107.
3. Мельник В.М. Замечания о международной правосубъектности варварских королевств Европы (V–VI века). Альманах міжнародного права. Одеса : ВД «Гельветика», 2019. Вип. 21. С. 3–12.
4. Мюссе Люсьен. Варварские нашествия на Европу: германский натиск / пер. с фр. А.П. Саниной. Санкт-Петербург : Евразия, 2008. 400 с.
5. Суровень Д.А. Правовое положение населения по «Саллической правде»: к вопросу о сущности варварских обществ и государств. Историко-правовые проблемы: новый ракурс. 2015. № 14. С. 87–151.
6. Хизер Питер. Восстановление Римской империи. Реформаторы Церкви и претенденты на власть. Москва : Центрполиграф, 2015. 575 с.
7. Gasparri Stefano, La Rocca Cristina Maria. Tempi barbarici. L'Europa occidentale tra antichità e medioevo (300–900). Roma : Carocci, 2012. 357 p.
8. Gregory of Tours. A History of the Franks. London : Penguin Classics, 1976. 720 p.
9. Mousourakis George. Roman Law and the Origins of the Civil Law Tradition. Basel : Springer International Publishing, 2015. XVI+328 pp.
10. Stein Ernest. Histoire du Bas-Empire. Tome II, De la Disparition de L'empire D'occident a la Mort de Justinien (476–565). Bruges : Desclie De Brouwer. 1949. XXXIV+900 p.

